

УДК 811.581.11

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.68-78

**ТОТЕМИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале фразеологизмов китайского и казахского языков)**

Ф.Н. Даулет

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, 050040, Республика Казахстан*

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу лингвокультурологических, лингвокогнитивных и семантических свойств фразеологических единиц китайского и казахского языков с компонентами-тотемизмами при учете взаимодействия двух семиотических систем – естественного языка и культуры. Методологической основой исследования являются лингвокультурный и лингвокогнитивный методы, которые дают возможность комплексно описать языковую и культурную семантику фразеологизмов с компонентами-тотемизмами. Для иллюстрации внутренней формы исследуемых языковых единиц использовались этимологический, описательный методы, а также методы семантической идентификации и когнитивной интерпретации. Результаты исследования наглядно демонстрируют, что ценностно-смысловой аспект менталитета народов – это совокупность систематизированных знаний людей о мире, которые рассматриваются сквозь призму их социального и эмоционального опыта. Научная новизна исследования определяется оригинальным подходом автора к работе с поставленными целями и задачами; стремлением комплексно изучить проблему тотемического кода в китайской и казахской лингвокультурах через образные средства языка.

Ключевые слова: китайский язык, казахский язык, сопоставительная лингвокультурология, тотемизм, духовные коды культуры, фразеологические единицы, языковая картина мира, вербальные средства, образные средства, семантика

Тотемизм (от алгонкинского *ототем* – ‘его род’) – одна из ранних форм религии первобытного общества, основывавшаяся на совокупности верований, мифов, обрядов и обычаев, связанных с верой в сверхъестественное родство людей с различными предметами, явлениями и существами (тотемами) (НФС). Как правило, под *тотемом* подразумеваются предметы и природные явления (ветер, солнце, дождь, гром, вода, части отдельных животных или растений: например, у казахов – когти орла, перья совы, зуб волка и т. п.) [1, с. 127]. Но чаще всего это животные и растения, с которыми тот или иной народ считает себя связанным родственными узами [2].

К. Леви-Стросс отмечает, что «тотемизм – это проекция вовне нашего универсума и, подобно экзорцизму, – проекция ментальных установок, несовместимых с требованием прерывности между человеком и природой...» [3, с. 24].

Интересна мысль Р. Пиддингтона (R. Piddington), который утверждает: «Термин тотемизм применяется к форме социальной организации и к магико-религиозной практике, характеризуемой ассоциацией определенных групп (обычно кланов и линий) внутри племени с определенными классами одушевленных и неодушевленных предметов, при том, что каждая группа ассоциируется с определенным классом» (цит. по [3, с. 32]).

Хэ Чилян (He Qiliang) считает, что тотемический культ у китайцев возник вслед за фетишизмом. На этом этапе человек уже осознавал себя как члена определенного человеческого коллектива, но коллектив растений и животных представлялся ему более близким к праматери-природе, а следовательно, и более могущественным. Таким образом, человек придумывал для себя идолов в виде окружавших его животных и растений, поклонялся им как прародителям (см. [4, с. 69]). Такого же мнения придерживался А. Коньратбаев, который считал, что тотемами становились только те животные или растения, которые окружали человека [5, с. 211]. Но исследования китайских ученых Лю Шучина (Liu Shuqin) [6], Нин Егао (Nin Yegao) и Ся Гочжэна (Xia Guozhen) [7], Жэнь Сижана (Ren Xiran) [8] и др. демонстрируют, что тотемами становятся также и мифические существа – плод фантазии древнего человека. Одним из таких мифических тотемных животных является 龍 *lóng* – дракон, у которого коровья голова, свиной рот, тело змеи, рыба чешуя, конская грива, птичьи коготки, черепаший шея, козлиная борода, оленья рога и вид собаки. Как отмечает Лю Шучин, дракон является символом этнической идентичности китайского народа. По мнению ученого, китайский дракон – это собирательный образ, состоящий из множества тотемов: коровья голова означает тяжелую работу и символизирует сельское хозяйство; свиной рот олицетворяет кулинарную культуру; змеиное тело представляет сексуальную культуру; рыба чешуя означает многочисленное потомство и символизирует репродуктивную культуру; конская грива означает поклонение героям; птичьи коготки олицетворяют власть; черепаший шея является символом долголетия; козлиная борода знаменует доброе сердце; оленьи рога соотносятся с манерами благородного мужа; собачья внешность отождествляется с преданностью и верностью [6, с. 15]. Лю Шучин отмечает, что, представляя собой собирательный образ, дракон стал символом китайского духа толерантности (中国文化的包容精神) [6, с. 6].

В.М. Алексеев считает, что культ дракона возник в связи с многочисленными наводнениями, приносившими неисчислимые бедствия китайским крестьянам [9, с. 231]. Сильные разливы рек и водоемов, сметающие на своем пути дома, посевы и людей, повлияли на возникновение образа дракона – божества рек, которому древние китайцы поклонялись и которого боялись. Обезумевшие от страха люди, чтобы «задобрить» повелителя этой страшной стихии, приносили многочисленные жертвы, в том числе и человеческие. Согласно древнекитайским легендам, мифические прародители китайцев и первые императоры Яньди и Хуанди были тесно связаны с драконом. Китайцы считали, что «Желтый император» – Хуанди – является земным наместником дракона. Другая легенда гласит, что брат Хуанди – Яньди – появился от союза его матери – земной женщины – и дракона. Таким образом, все эти легенды связывают образ дракона с императорской властью, точнее – с императором.

В лексикографических источниках 龙 *lóng* представлен в следующих значениях: 1) ‘мифическое животное’; 2) ‘император и вещи, которыми он пользовался’; 4) ‘узор в виде дракона’; 5) ‘древние виды пресмыкающихся’ (ХНС, р. 841). В «Синьхуа цыдянь» статья 龙 включает лишь два значения: 1) ‘мифическое животное’ и 2) ‘крупные виды древних пресмыкающихся’ (ХС, р. 633). В словаре «Цыхай» даются следующие значения данного иероглифа: 1) ‘мифическое животное’; 2) ‘император и его власть’; 3) ‘крупная лошадь’; 4) ‘гора, где скрещиваются подземные токи (у древних китайских геомантов – место, пригодное под могилу)’; 5) ‘название звезды’; 6) ‘фамилия человека’ (СН, р. 1869). В «Большом китайско-русском словаре» указанное слово представлено так: 1) ‘дракон’; 2) ‘государь, император; императорский; высочайший’; 3) ‘драконообразная горная цепь, кряж’; 4) устар. ‘гармония, согласие, мир’; 5) ‘большая лошадь’; 6) ‘выдающаяся личность, знаменитость, гений; даровитый, талантливый (часто в прозвище)’; 7) ‘лун, «драконово письмо» (древнейший иероглифический почерк, происходящий от триграмм)’; 8) ‘пестрый, пегий; пятнистый, разноцветный’; 9) ‘Дракон (5-е животное из цикла 12, соответствует циклическому знаку 辰, обозначающему год Дракона)’; 10) кит. астр. а) ‘Юпитер’; б) ‘созвездия восточного сектора неба’; 11) Лун (фамилия) (БКРС, с. 363).

Анализ «Большого словаря чэньюйев» (*чэньюй* – букв. ‘готовое выражение’, устойчивый оборот в китайском языке, чаще всего состоящий из четырех иероглифов) показал, что во фразеологических единицах китайского языка в основном актуализируются следующие значения иероглифа 龙:

1) ‘благородное происхождение’: 龙生凤养 *lóng shēng fèng yǎng* – драконом рожденный и фениксом вскормленный; 龙生龙 *lóng shēng lóng* – у дракона рождается дракон, ср. рус. яблоко от яблони недалеко падает; 龙生九子 *lóng shēng jiǔ zǐ* – у дракона рождается девять сыновей, и все они разные, ср. рус. брат брату рознь;

2) ‘редкостный, дорогой, значимый’: 龙肝凤脑 *lóng gān fèng nǎo* – печень дракона, голова феникса; 龙章绣谷 *lóng zhāng xiù gǔ* – драконье сочинение (о незаурядном сочинении);

3) ‘сила и мощь’: 如龙似虎 *rú lóng sì hǔ* – как дракон, как тигр; 龙眉豹颈 *lóng méi bào jǐng* – брови дракона, шея леопарда (о величественном и грозном виде воина);

4) ‘выдающаяся личность, знаменитость’: 人中之龙 *rén zhong zhi lóng*;

5) ‘талантливый человек’: 放龙入海 *fàng lóng rù hǎi* – пустить дракона в море (о возможности проявить дарования); 藏龙卧虎 *cáng lóng wò hǔ* – букв. ‘затаившийся дракон и спящий тигр’ (о невыявленном гении, скрытом таланте) и мн. др. (ZCDC, р. 762–765).

В китайской мифологии феникс (凤凰 *fèng huáng*) – чудо-птица, воплощающая женское начало. Древние китайцы верили в то, что явление Фэнхуана людям – это великое знамение, которое может предвещать важное событие (СН, р. 388.)

Во фразеологическом фонде китайского языка иероглифы 凤凰 в основном актуализируются в следующих значениях:

- 1) ‘императорская власть; император и императрица; знать’: 凤阁龙楼 *fèng gé lóng lóu* – обитель феникса и дом дракона (императорский дворец);
- 2) ‘счастливое предзнаменование’: 凤鸣朝阳 *fèng míng zhāo yáng* – феникс поет навстречу утреннему солнцу;
- 3) ‘редкий предмет или явление’: 凤毛麟角 *fèng máo lín jiǎo* – перо феникса и рог единорога; 凤毛龙甲 *fèng máo lóng jiǎ* – перо феникса, когти дракона;
- 4) ‘талантливый человек’: 凤凰在笼 *fèng huáng zài lóng* – птица феникс заперта в клетке (о неимении возможности проявить свои таланты); 打凤捞龙 *dǎ fèng lāo lóng* – ловить феникса, поймать дракона (о поиске талантов и дарований);
- 5) ‘благородное происхождение’: 凤子龙孙 *fèng zǐ lóng sūn* – сын феникса, внук дракона (о человеке знатного происхождения);
- 6) ‘приятная наружность’: 龙颜凤姿 *lóng yán fèng zī* – лицо дракона, осанка феникса;
- 7) ‘свадьба, женитьба’: 龙凤喜竹 *lóng fèng xǐ zhú* – свечи дракона и феникса (о свадебных свечах);
- 8) ‘жених и невеста’: 龙凤呈祥 *lóng fèng chéng xiáng* – благопожелание счастья молодоженам;
- 9) ‘близнецы (мальчик и девочка)’: 龙凤双胞胎 *lóng fèng shuāng bāo tāi* – феникс и дракон (ZCDC, p. 402–403).

В культово-мифологическом мировоззрении казахского народа *aidahar* – символ зла, злой демон. Он обычно представляется в образе многоголового дракона, иногда в виде огромной змеи. Примечательно, что в казахских волшебных сказках образ дракона, так же как и в китайской мифологии, представлен в тесной связи с водной стихией. Так, в казахской сказке «Айдахар» (в переводе с каз. ‘дракон’) этот образ представлен в виде женщины-оборотня, которая по ночам напивалась воды, опустошая реку (КНС, с. 343). В сказке «Арғы мерген» (мифологический персонаж у древних тюрков, относящийся к категории первых охотников) из тела Айдахара извергается вода, вызывая дождь. Места обитания Айдахара, как правило, – горы и подземелья (пещеры, морские острова, горные ущелья и подводное царство) (КНС, с. 236).

Отрицательный образ дракона как символа зла, тьмы и подземелья во фразеологическом фонде казахского языка запечатлен в следующих примерах: *aidahardai uskyru* (свистеть как дракон) – ‘сильно рассердиться’; *alty basty aidahar* (шестиголовый дракон) – ‘злой человек’ (ФСКЯ, с. 23).

Известно, что культ *kok bori* – ‘синего волка’ – является общим для тюркских народов. Этот образ упоминается и в китайских источниках, начиная с IX в. до н. э. Например, в «Ханьшу» (исторической хронике династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э.) и «Чжоушу» (исторической хронике династии Чжоу с 534 по 581 гг. н. э.) говорится о единственном уцелевшем мальчике из племени гуннов (гунны – группа древних тюркских племен, вторгшихся в IV – V вв. н. э. в Европу (БРЭ, с. 160)), которого спасла волчица, позже она родила от него детей. Они, по легенде, стали прародителями всех тюркских племен [10, с. 87].

Образ волка в казахской языковой картине мира является критерием оценки широкого круга человеческих качеств, как моральных, так и физических. Так,

kokzhal bori ('волк гривастый'), во-первых, соотносится с крупным волком, с другой стороны, является характеристикой смелого и отважного человека: *zhigitteri shetinen kokzhal bori eken* – букв. 'их джигиты как волки гривастые: отважные и бесстрашные'; *kaskyr zhurekti adam* (букв. 'человек с волчьим сердцем') означает 'бесстрашный человек'; *kaskyr aiel* ('волчица') означает 'сильная и предприимчивая женщина' (ФСКЯ, с. 342).

В ряде фразеологизмов с компаративной семантикой, таких как *ash boridei jalaktau* (как голодный волк), *kaskyrsha talau* (наброситься как волк); *kaskyrsha uly* (выть как волк) и мн. др., находит отражение негативное отношение людей к таким человеческим качествам, как алчность и жадность, беспощадность, высшую степень проявления которых связывают именно с характерными чертами волка.

Репрезентантами стереотипного образа волка (*kaskyr*) служат пословицы и поговорки, которые носят ярко выраженный аксиологический характер: *asyrandy kaskyr dalaga karap ulidy* (прирученный волк все равно воет в сторону стени); ср. рус.: сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит; *kaskyrdy surlygy ushin emes, urylygy ushin urady* (волка бьют не за то, что он сер, а за то, что овцу съел); *maldyng iesi bolsa, kaskyrdyng kudaiy bar* (если у скота есть хозяин, то у волка есть бог). Страх людей перед волком отражен в следующих эвфемических названиях волка: *kara kulak* – 'черные уши', *ulyta* – 'тот, который воет', *it-kus* – букв. 'собака и птица'.

狼 *láng* ('волк') в БКРС представлен в следующих значениях: 1) 'волк, волчий, по-волчьи'; 2) 'хищный зверь, хищник'; 3) пекинск. диал. 'похитить; стащить, стянуть, украсть': 叫人狼了五块钱了 *jiào rén lángle wǔ kuài qiánle* – кто-то стянул у него пять юаней (БКРС, с. 911).

Фразеологические единицы китайского языка с образной доминантой волк в основном объективируют отрицательные коннотации. Например:

1) 'жестокость, бесчеловечность': 狼心狗肺 *láng xīn gǒu fèi* – волчье сердце и собачьи легкие;

2) 'неисправимый; трудновоспитуемый человек': 狼子野心 *láng zǐ yě xīn* – у волчонка – волчье сердце;

3) 'жадность, алчность': 狼吞虎咽 *láng tūn hǔ yàn* – глотать, как волк, пожирать, как тигр;

4) 'дурная слава, плохая репутация': 声名狼藉 *shēng míng láng jí* – волчья репутация;

5) 'коварство': 狼给鸡拜年 – 不安好心 *láng gěi jī bài nián – bù ān hǎo xīn* – волк пришел поздравить петуха с новым годом – не жди ничего хорошего (ZCDC, p. 894).

Таким образом, вышеперечисленные примеры показывают, что в китайском языке большая часть ассоциативных признаков, связанных с образом волка, имеет негативную окраску, тогда как казахские примеры больше демонстрируют положительную и нейтральную коннотации.

Образ ворона в качестве тотема встречается во многих древних мифологиях. К примеру, древние тибетцы считали ворона посредником между богами и людьми: он, издавая различные звуки, мог предсказывать различные события,

положительные и отрицательные. У древних манчжуров существовал такой обычай: посреди двора устанавливали столб, на верх которого привязывался кусок ткани, таким образом зазывая духов предков. К подножию столба бросали тонко нарезанную свинину. Если к мясу подлетали вороны и съедали его, то это считалось хорошим предзнаменованием. Если вороны не трогали мясо, это означало, что духи недовольны и несчастья не миновать [10, с. 67]. Среди якутских племен существовало племя *суор*, что в переводе означает 'ворон' [10, с. 72].

Согласно древнекитайской легенде, на Солнце живет 三足乌 *sān zú wū* – 'трехногий ворон', а на Луне обитает заяц. В другой легенде говорится о десяти солнечных воронах, поселившихся на десяти солнцах и обжигавших все живое на Земле. Стрелок Хоу И попал в девять воронов и предотвратил гибель человечества. Данная легенда зафиксирована во фразеологизме 后羿射日 *hòu yì shè rì* – Хоу И сбил девять солнц.

乌兔 *wū tù* (букв. 'ворон и заяц') означает 'солнце, луна и время' (ZCDC, p. 507); 乌飞兔走 *wū fēi tù zǒu* (ворон летит, заяц бежит) означает необратимость времени (ZCDC, p. 1336). 乌鸟私情 *wū niǎo sī qíng* (личные чувства ворона) свидетельствует о поверьях древних китайцев, полагавших, что ворон заботится о престарелых родителях. Другой пример: 爱屋及乌 *ài wū jí wū* – любить не только дом, но и ворона на его крыше – означает, что, любя человека, нужно любить всё, что с ним связано (даже ворон, сидящих на крыше этого дома).

Фразеологический и паремиологический фонд современного казахского языка также изобилует примерами, связанными с образом ворона. Например: погов. *karganyng bir kozi okta, bir kozi bokta* – у вороны один глаз смотрит на стрелу, другой глаз смотрит на помёт (образно об алчности); погов. *karga karganyng kozin shukymas* – ворон ворону глаз не выключает; *karga adym jer* – с вороний шаг; *karga boily* – ростом с ворону, то есть 'низкого роста'; *karga tanyrly kazak* – казах, у которого среди родственников ворона – это значит, что у казаха везде родственники; *karga siakty karkyldau* – каркать как ворона и мн. др. (ФСКЯ, с. 654).

Таким образом, можно утверждать, что образ ворона и в китайской, и казахской языковой картине мира связан как с положительными, так и с отрицательными коннотациями.

В китайской и казахской этнокультурах особое место занимает тотемический культ солнца. Солнце – *kun* у казахов, *rì* или *yang* у китайцев – выступает как синтез космических и астральных божеств, как первопредок-тотем. Очевидно, что в первобытнообщинных коллективах под главным назначением любого явления понимается его качество быть родителем, следовательно, по представлениям древних людей, творец и созидатель – это и есть родитель, отец. Так, очевидно, появился тотем солнца как творец природы и человеческой цивилизации.

Древние казахи также верили в то, что нагревание земли солнцем, сильные ураганы, гром, молнии, ливни, град – это явления, которые происходили согласно «настроению» всемогущего Солнца [11, с. 125].

Поклонение солнцу ясно запечатлено на каменных изваяниях, которые кипчаки устанавливали родителям, павшим воинам, выдающимся личностям. Они были установлены лицом на восток [5, с. 211]. В ходе обычной повседневной

деятельности древние люди осознали, что без солнечного света и тепла невозможно существование всего живого. Поэтому они уважительно относились к солнцу, даже поклонялись этому таинственному желтому диску на небе, который излучал тепло и обеспечивал всё живое светом. К примеру, К. Габитханулы утверждает, что древние гунны считали себя потомками солнца, и выдвигает гипотезу о взаимосвязи между словом *kun* ('солнце') и названием племени гуннов (в древнетюрк. *kün* – 'солнце') [10, с. 21].

Китайский ученый Су Бейхай в своей монографии «История казахской культуры», посвященной кочевым сакам, пишет так: «Из всех святых они поклоняются только божеству солнца. В жертву приносили только коня. Выбор коня в качестве жертвоприношения объясняется тем, что, по поверью древних саков, только резвый скакун мог быстро достичь солнца» [12, с. 187].

В современном казахском языке в активном использовании остался ряд фразеологизмов и эвфемизмов, свидетельствующих о некогда существовавшем у казахов культе Солнца. Например: *kun baiydy* – букв. 'солнце обогатилось' вместо *kun batty* – *солнце зашло*. 'Жить' – это *kun korgu* (*видеть солнце*); 'не давать житья' – *kun bermei* (*не давать солнца*); 'жизненные проблемы' – это *kuni karang bolu* (*солнце во мраке*); 'образ жизни, характерный для большинства людей' – это *kopting korgen kuni* (*солнце, которое видит все*); 'жить плохо' – *kuni kun emes* (*его солнце – не солнце*) и мн. др.

'Солнце' в китайском языке выражено философской субстанцией 阳 *yáng* 'ян', положительным (мужским) началом, оно считается олицетворением всего положительного.

В древнекитайских трактатах утверждается, что мир был создан с помощью 阳 *yáng* 'солнца' (положительной субстанции), 阴 *yīn* 'тени от солнца' (отрицательной субстанции), 水 *shuǐ* 'воды', 火 *huǒ* 'огня', 木 *mù* 'дерева', 土 *tǔ* 'земли', 金 *jīn* 'металла' (СН, р. 472).

В китайской мифологии в качестве 太阳神 *tài yang shén* – богов солнца – выступает сразу пять сакральных образов: 西和 *xī hé* – богиня Сихэ, родившая десять солнц и ведавшая упряжкой драконов в их колесницу; 东君 *dōng jūn* – Дунцзюнь, владыка Востока, божество солнца; 神农 *shén nóng* – Шэньнун – «божественный земледelec»; 东皇 *dōng huáng* – Дунхуан, владыка Востока, божество весны и божество солнца; 炎帝 *yán dì* – «огненный император» Янь-ди – владыка Юга и бог огня, солнца и лета [13, с. 195–198].

Структурно-семантический анализ китайских и казахских фразеологизмов, стержневым компонентом семантики которых выступает образ солнца, выявил семантически и стилистически тождественные примеры, что является редким явлением для неродственных и неконтактных языков. Например: 日落西山 *rì luò xī shān* и 日薄西山 *rì bó xī shān* – букв. 'солнце садится за западные холмы' – значит 'доживать последние дни; умирать'; ср. каз.: *kuni bitti* – *солнце зашло* / *kuni sondi* – *солнце погасло*; 日暮途远 *rì mù tú yuǎn* – *солнце заходит, а путь еще далек* (образно в знач.: 'к закату жизни не достигнуть достойного положения'); ср. каз.: *kuni taiar kaldy* – *солнце близится к закату*; 日日夜夜 *rì rì yè yè* – букв. 'дни и ночи' – обозначает 'день и ночь; круглые сутки; все время'; *guò rì zì* –

проводить солнце – значит ‘жить-поживать’; ср. каз.: *kun otkizu* – *проводить солнце*; 日上三竿 *rì shàng sān gān* – *солнце уже на высоте трех шестов*, то есть ‘позднее утро’; ср. каз.: *kun arkan boiy koterildi* – *солнце поднялось на высоту в один аркан* (аркан – плетеная веревка в 4–5 метров); 日升月恒 *rì shēng yuè héng* – *поднимающееся солнце, прибавляющаяся луна* (образно – о непрерывном развитии, неуклонном движении вперед); ср. каз.: *kun sanap osu*; 日久天长 *rì jiǔ tiān cháng* – *день вечный, небо длинное* (образно в знач. ‘через долгое (длительное) время’); ср. каз.: *kunderding bir kuninde*; 雨后阳光 *yǔ hòu yáng guāng* – *солнечная весна на живых ногах* (образно о чрезвычайно добром человеке и о несущем народу добро правителе); ср. каз.: *kun nurundai meirimdi* – *добрый, как луч солнца* и др. Данные примеры показывают, что жизнь и существование всего живого у рассматриваемых этнокультур всегда ассоциировались с солнцем, что свидетельствует об исключительной роли солнца-прародителя в этих культурах.

Таким образом, проведенный лексико-семантический анализ китайских и казахских фразеологизмов, связанных с тотемическим культом, позволил получить следующие результаты:

- 1) контрастивно-исторический анализ является одним из ключевых методов, способствующих выявлению скрытой во фразеологизмах этнокультурной информации;
- 2) фразеологизмы китайского и казахского языков, связанные с тотемической тематикой, культурно маркированы и способны определять специфику национальной концептосферы;
- 3) тотемический код культуры – это межкультурная универсалия, по-разному вербализующаяся на разных языках, а также наиболее значимая лингвофило-софская категория в системе концептуальных понятий любого народа;
- 4) посредством сопоставительного анализа культурно-маркированных фразеологизмов можно проводить сравнительное изучение особенностей человеческого мировоззрения;
- 5) наличие в языке фразеологизмов, в которых произошла десакрализация «культовых» компонентов, еще раз доказывает, что образность устойчивых словосочетаний с культовым кодом возникает не только через переосмысление сакральных образов, но и за счет актуализации скрытой лингвокультурной информации в ее ключевых компонентах;
- 6) семантические универсалии могут существовать в неродственных и неконтактных языках; наличие в подобных языках культурно-языковых универсалий может быть обусловлено универсальным характером человеческого мышления, единым процессом развития человеческой цивилизации и общностью бытия и сознания.

Источники

- НФС – Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 2003. – 1280 с.
 ХНС – 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2018. – 1800 页 = Современный словарь китайского языка. – Пекин: Изд-во деловой лит., 2018. – 1800 с.
 ХС – 新华词典. – 北京: 商务印书馆, 2001. – 1412 页 = Словарь китайского языка. – Пекин: Изд-во деловой лит., 2001 – 1412 с.

- СН – 辞海. – 上海: 上海辞书出版社, 1997. – 2574 页 = Словарь «Море слов». – Шанхай: Изд-во словарей, 1997. – 2574 с.
- БКРС – Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. 4. – 1061 с.
- БРЭ – Большая российская энциклопедия. – М.: Бол. рос. энцикл., 2007. – Т. 8. – 767 с.
- ZCDCD – 中华成语大词典. – 吉林: 吉林文史出版社, 1992. – 1960 页 = Словарь китайских чэньюйев. – Цилинь: Лит.-ист. изд-во, 1992. – 1960 с.
- КНС – Казахские народные сказки. – Алматы: Санат, 2017. – 564 с.
- ФСКЯ – Фразеологический словарь казахского языка. – Алматы: Гылым, 1977. – 711 с.

Литература

1. *Даулет Ф.Н.* Сопоставительный анализ фразеологизмов китайского и казахского языков (на материале лексикографических источников): Дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1999. – 186 с.
2. *Haekel J.* Totemism. – URL: <https://www.britannica.com/topic/totemism-religion/Levi-Strauss>, свободный.
3. *Леви-Стросс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. – М.: Акад. проект, 2008. – 520 с.
4. 何星亮. 图腾与中国文化. – 南京: 江苏人民出版社, 2008. – 613 页 = Хэ Синлянь. Тотем и китайская культура. – Наньцзин: Цзянсуский нар. изд. дом, 2008. – 613 с.
5. *Коныратбаев А.* Казахский эпос и тюркология. – Алма-Ата: Гылым, 1987. – 367 с. (на каз. яз.)
6. 刘毓庆. 图腾神话与中国传统人生. – 北京: 人民出版社, 2002. – 421 页 = Лю Юйцинь. Тотемические мифы и традиционный образ жизни китайцев. – Пекин: Нар. изд. дом, 2002. – 421 с.
7. 宁业高, 夏国珍. 中国吉祥文化. – 北京: 中央民族大学出版社, 1999. – 302 页 = Нинь Егао, Ся Гочжэнь. Китайская культура благополучия. – Пекин: Изд-во Центр. ун-та национальностей. – 1999. – 302 с.
8. 仁犀然. 汉字密码. – 北京: 中国华侨出版社, 2017. – 243 页 = Жэнь Сижань. Код китайских иероглифов. – Пекин: Изд-во Хуацяо, 2017. – 243 с.
9. *Алексеев В.М.* В старом Китае. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 345 с.
10. *Габитханулы К.* Устойчивые словосочетания в казахском языке, связанные с народными поверьями: Дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1995. – 156 с.
11. *Рысбаева К.К.* Культурные фразеологизмы в казахском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1995. – 165 с.
12. 苏北海. 哈萨克文化史. – 乌鲁木齐: 新疆大学出版社, 1989. – 555 页. = Су Бэйхай. История казахской культуры. – Урумчи: Изд-во Синьцзянского ун-та, 1989. – 555 с.
13. 何九盈, 胡双宝, 张猛. 中国汉字文化大观. – 北京: 北京大学出版社, 1996. – 410 页 = Хэ Цзюинь, Ху Шуанбао, Чжан Мэн. Анализ китайских иероглифов. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 1996. – 410 с.

Поступила в редакцию
05.08.19

Даулет Фатимабиби Ногайкызы, кандидат филологических наук, и.о. профессора кафедры китаеведения; докторант кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
пр. аль-Фараби, д. 71, г. Алматы, 050040, Республика Казахстан
E-mail: fatima-dauletova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 68–78

doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.68-78

**The Totemic Code of Culture in the Linguistic Worldview
(Based on Phraseological Units of the Chinese and Kazakh Languages)**

F.N. Daulet

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, 050040 Republic of Kazakhstan
E-mail: fatima-dauletova@mail.ru

Received August 5, 2019

Abstract

A comparative analysis of the linguocultural, linguocognitive, and semantic properties of phraseological units of the Chinese and Kazakh languages with totemic components was performed with regard to the interaction of two semiotic systems – the natural language and culture. The research was performed with the help of the linguocultural and linguocognitive methods to comprehensively describe the linguistic and cultural semantics of phraseological units with totemisms. To illustrate the internal form of the studied linguistic units, the etymological and descriptive methods were used, as well as the methods of semantic identification and cognitive interpretation. The obtained results clearly demonstrate that the axiological aspect in the mental set of different nations is nothing more than a combination of systematized knowledge and concepts about the environment and the world, which are viewed through the prism of social and emotional experience. The research is highly relevant due to the original approach and the desire to investigate the problem of totemic code in the Chinese and Kazakh linguistic cultures through imaginative means.

Keywords: Chinese language, Kazakh language, comparative linguoculturology, totemism, spiritual cultural codes, phraseological units, linguistic worldview, verbal means, imaginative means, semantics

References

1. Daulet F.N. Comparative analysis of Chinese and Kazakh phraseological units (based on the material of lexicographical sources). *Cand. Philol. Diss.* Almaty, 1999. 186 p. (In Russian)
2. Haekel J. *Totemism*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/totemism-religion/Levi-Strauss>.
3. Lévi-Strauss C. *Totemism segodnya. Nepriruchennaya mysl'* [Totemism of Today. A Wild Thought]. Moscow, Akad. Proekt, 2008. 520 p. (In Russian)
4. He Xingliang. *A Totem and Chinese Culture*. Nanjing, Jiangsu Natl. Publ. House, 2008. 613 p. (In Chinese)
5. Konyratbaev A. *Kazakhskaa epos i tiurkologiya* [Kazakh Epic Literature and Turkology]. Alma-Ata, Gylym, 1987. 367 p. (In Kazakh)
6. Liu Yuqing. *Totemic Myths and Chinese Traditional Life*. Beijing, Natl. Publ. House, 2002. 421 p. (In Chinese)
7. Ning Yegao, Xia Guozhen. *Chinese Culture of Prosperity*. Beijing, Cent. Univ. Natl. Publ. House, 1999. 302 p. (In Chinese)

8. Ren Xiran. *Chinese Hieroglyph Code*. Beijing, Huaqiao Publ. House, 2017. 243 p. (In Chinese)
9. Alekseev V.M. *V starom Kitae* [In Ancient China]. Moscow, Izd. Vost. Lit., 1958. 345 p. (In Russian)
10. Gabitkhanuly K. Fixed collocations associated with folk beliefs in the Kazakh language. *Cand. Philol. Diss.* Almaty, 1995. 156 p. (In Russian)
11. Rysbaeva K.K. Cult-related phraseological units in the Kazakh language. *Cand. Philol. Diss.* Almaty, 1995. 165 p.
12. Su Beihai. *History of Kazakh Culture*. Ürümqi, Xinjiang Univ. Publ. House, 1989. 555 p. (In Chinese)
13. He Jiuying, Hu Shuangbao, Zhang Meng. *Analysis of Chinese Characters*. Beijing, Beijing Univ. Publ. House, 1996. 410 p. (In Chinese)

Для цитирования: Даулет Ф.Н. Тотемический код культуры в языковой картине мира (на материале фразеологизмов китайского и казахского языков) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 68–78. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.68-78.

For citation: Daulet F.N. The totemic code of culture in the linguistic worldview (based on phraseological units of the Chinese and Kazakh languages). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 5–6, pp. 68–78. doi: 10.26907/2541-7738.2019.5-6.68-78. (In Russian)